
DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2541-8947-2017-10005>

УДК 266.2+327

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Алексеев Алексей Викторович

теолог, преподаватель, юрист,

Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток

SPIN-код РИНЦ: 9614-8834

ORCID: 0000-0002-0739-9048

tender6766@gmail.com

Научный руководитель -

кандидат исторических наук, кандидат богословия,

доцент кафедры теологии и религиоведения ШГН ДВФУ

Ерохин Виталий Викторович

SPIN-код РИНЦ: 8020-0530

erohin.vit@yandex.ru

**HISTORICAL AND POLITICAL PREREQUISITES OF THE ORTHODOX
MISSION IN EAST ASIA**

Aleksey V. Alekseev

theologian, jurist

Far Eastern Federal University,

Vladivostok

*Academic advisor –
PhD in History, PhD in Theology,
Associate professor of the Chair of Theology
and orthodox theological Studies of School
for Humanities of the Far East Federal University*
Vitaliy V. Erokhin
Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена различным аспектам возникновения православной миссии в Восточной Азии. Автор устанавливает географические рамки исследования, рассматривает религиозные и политические процессы в Восточной Азии накануне православной миссии. Впервые обобщены процессы становления российской православной миссии, где внимание уделяется факторам миссии в исторически и географически взаимосвязанном регионе.

ABSTRACT

The article is devoted to various aspects of the emergence of the Orthodox mission in East Asia. The author explores religious and political processes in East Asia on the eve of the Orthodox mission. For the first time, the processes of formation of the Russian Orthodox mission are summarized, where attention is paid to the mission factors in a historically and geographically interconnected region.

Ключевые слова: православная миссия; Восточная Азия; Хань; Япония; Китай; Корея; Силла; Православие; христианство; Чосон; Цин; Иван IV; Азиатско-Тихоокеанский регион.

Key words: Orthodox mission; East Asia; Han; Japan; China; Korea; Silla; Orthodoxy; Christianity; Chosun; Qing; Ivan IV; Asia-Pacific region.

Постановка проблемы

В настоящее время российское государство обращает особое внимание на Восточную Азию как перспективный для сотрудничества регион в условиях санкций Запада и активизации в Европе нетрадиционных для России семейных, культурных ценностей. Посещение православными архиереями стран, входящих в зону Восточной Азии способствует активизации христианской миссии в регионе. Назревает необходимость выявить основные факторы возникновения

православной миссии в Восточной Азии, что позволит переосмыслить подходы к развитию культурных и дипломатических отношений с КНР, Японией, КНДР и Республикой Корея.

Географические рамки исследования включают в себя Северо-Восточную часть Китайской Народной Республики: провинции Хэйлуцзян, Ляонин и Цзилинь и город центрального подчинения Пекин («Северная столица»); Корейский полуостров, Японские острова. Данная территория географически, исторически и культурно наиболее взаимосвязана, а также является нашим ближайшим соседом в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Методология

Историко-хронологический метод использован для последовательного раскрытия процессов и изменений изучаемых явлений в ходе становления православной миссии в Восточной Азии. Комплексный подход позволил решить задачи исследования с учетом социально-экономических, идейно-политических и культурных факторов. Помимо общенаучных методологических принципов используется опора на миссионерский опыт Православной Церкви.

Результаты исследования

Процесс исторического распространения христианства получил свои особенности в Восточной Азии. Первые миссионеры, вероятно попали в Китай еще в I веке н.э. Существует предание, что первыми благовест о Христе принесли в Китай так называемые фомисты, то есть христиане из Индии, где проповедал апостол Фома. Но проповедь фомистов не была успешной. В Китай приходили с проповедью и несториане – еретики, которые, как изгнанники из Византийской империи, пошли далеко на Восток и достигли Желтого царства [1]. Поскольку древнекорейское государство Силла (на территории Корейского полуострова) находилось под сильным политическим и социокультурным влиянием Танского Китая, вероятно, в Силла тоже проникло несторианство. Кроме того, если учесть, что в Японии прослеживаются следы несторианства, то логично утверждать, что «неправославное христианство» уже было распространено на Корейском полуострове, который тогда был связующим

мостом при проникновении китайской культуры в Японию. Однако несторианство сумело оставить только слабый исторический след в Восточной Азии.

В дальнейшее время содействие в учреждении православной миссии в Восточной Азии смогли оказать дипломатические и торговые контакты между Российским государством и Минским Китаем, которые, как полагают, возникли с XVII в.

В XVII в. российские подданные стали более активно осваивать Восточную Сибирь и прилегающие к ней территории. Так возник Мангазейский уезд, затем Енисейский и Красноярский, Томский остроги. Во время правления русского царя Ивана IV в Минский Китай неоднократно отправлялись посольства. В 1608 г. Василий Шуйский направил к монголам отряд казаков, однако они встретили отпор со стороны монголов и повернули назад, при этом определенные данные о Китае им собрать удалось.

Грамота китайских властей, переданная главе отряда казаков Ивану Петлину, который выехал в Китай в 1618 г. из Томска, подтверждает то, что посольство проявляло дружелюбный интерес к России [12]. Такое отношение к России, возможно, было связано с тем, что в XVII в. Минский Китай находился в значительном упадке. Крестьянская династия превратилась в бюрократическую деспотию. Крестьяне и городские ремесленники были обременены государственными налогами и поборами в пользу местных феодалов, ростовщиков, чиновников. В итоге стали возникать массовые восстания, с начала XVII в. было подорвано международное положение Китая. Воспользовавшись крестьянской войной в Китае, маньчжуры в 1644 г. захватили страну и подавили восстание, при этом уничтожили часть китайской знати [4]. «Основной внешнеполитической целью империи Цин на протяжении всего существования империи было сохранение безопасности внутренних земель» [3]. Что объясняет настороженность маньчжуров к соседствующей русской, более северной цивилизации.

Маньчжуры узнали о тибетском буддизме на раннем этапе их государственности, в начале XVII в. После создания империи тибетский буддизм получил государственную поддержку как их "национальная особенность" и средство самоидентификации. Весьма интересным фактом является закрепленное на законодательном уровне совершение обрядов при императорских гробницах маньчжурскими ламами на маньчжурском языке [13]. С этого момента в Китае постепенно угасает даосизм (традиционное для ханьцев религиозное верование).

Однако, как ни стремилась маньчжурская аристократия сохранить от слияния с массой китайцев свой этнос, маньчжуры, подобно монголам, принимали китайскую культуру, становясь конфуцианцами. Маньчжурские императоры выступали как наследники одновременно и китайской, и центрально-азиатской традиций, при этом не жалели усилий для поддержания данного образа в глазах подданных. Тибетский буддизм стал при маньчжурах постоянным и существенным элементом даннических отношений с тибетцами и монголами. Цинские императоры стремились управлять подвластным населением наиболее действенным образом, и поэтому тибетский буддизм неизбежно становился важнейшим инструментом политики [13]. При этом Канси (император Китая из династии Цин - четвертый представитель маньчжурской династии и второй из Цинов, правивший всем Китаем) прекратил гонения на христиан. Канси в цензурных целях использовал и организацию широких литературных работ. Из публикуемых произведений вычеркивались вольные мысли и неудобные факты, направленные против маньчжуров и других иноземных завоевателей Китая. В целом, религиозно-этнический фактор начинает играть важную роль в принятии государственных решений в Цинском Китае.

Обращает на себя внимание то, что прибытие торгового каравана из России во главе с Ярышкиным в 1654 г. в Пекин после падения династии Мин, на фоне событий в Приамурье (1652 – 1662 гг.), преследовало цель получить информацию о ведении торговли в Китае и распродать привезённые из России

товары. Время пребывания Ярышкина в столице империи совпадает со временем осады Кумарского острога (1655). Ярышкина заставляют пройти ритуал коу-тоу, то есть официально принять статус зависимой от Китая державы, «варварского государства». Ярышкин соглашается, при этом не являясь официальным представителем посольства России. Отправка официального посольства с грамотой царя Алексея Михайловича (во главе которого был поставлен «боярин знатного рода» Федор Исакович Байков), закончилась тем, что принять участие в аудиенции перед тронным залом дворца не удалось. В сентябре 1656 г. российским послам пришлось покинуть Пекин, захватив с собой подарки, которые они привезли богдыхану от московского царя.

Отъезд из Москвы в Китай в 1675 г. посольства Николая Спафария был связан с тем, что накануне сам император Канси отправил царю Алексею Михайловичу грамоту с предложением установить торговые отношения. Российское правительство поручило Спафарию добиться установления мирной торговли с Китаем и требовать присылки в Москву «природного китайца», который привез бы в подарок русскому царю драгоценные камни и дорогие шелка [8]. Путешествие Спафария в Китай не привело к установлению тесных и дружеских связей между русским государством и империей Цинов. Более того, в последующие годы войска цинского Китая начали военные действия против амурских казаков и захватили Албазинский острог. В то же время именно благодаря Николаю Спафарию Россия узнала о Корее («Государство Великий Чосон»), которая географически и исторически взаимосвязана с Маньчжурией и Японией.

Соседство Цинского Китая с Японией создавало определенную специфику в развитии Восточной Азии. В Японии (официальное название «Нихон коку»), на религиозную культуру которой влияла китайская цивилизация, историческая необходимость прежних веков породила довольно сложную систему политического устройства. «Был микадо, не духовный император, а просто император, только неблагоразумно упустивший из своих рук управление войском, а потому и потерявший власть; был сёгун, не светский император, а

главнокомандующий императорских войск, посредством их державший Японию в своей власти; было 300 удельных князей, полунеограниченных властителей, каждый в своём княжестве» [9, 162]. В то же время в XIX в. в Японии господствовали синтоизм и буддизм и, в меньшей мере, конфуцианство [9, 172]. Исторические события в стране складывались удивительно благоприятно для выработки свободы и самостоятельного духа среди жителей Японии. В древние, до-сёогунские времена государство было похоже на семейство, в котором все члены равны перед законом и общим главою - императором. С упадком центральной власти начались междоусобные войны. При этом «свобода народного духа не только не была стеснена, и не только не было поводов к тому, что напротив – многое служило к возвышению народного самосознания» [9, 154]. Охлаждение народной любви к императорам за их бездеятельность и допущение разладицы в государстве было причиной возникновения сёогунства. Но затем, ни сёогуны, ни удельные князья никогда не имели поводов угнетать именно народ; если они дрались, то дрались между собою, при этом наблюдая, чтобы находящийся под их властью народ как можно менее чувствовал невзгоды военного положения. А те из «правителей», кто временно забывался до тирании над своими собственными подданными, того народ бросал и переходил к противнику, или даже сам казнил [9, 156]. «Вообще, японский народ не был восточным народом, в смысле безмолвного раба, с которым можно делать что угодно» [9, 157]. А внешние обстоятельства только укрепляли дух японского народа. Таким образом, к началу российской православной миссии, по мнению святителя Николая (Касаткина), «история японского народа не знает поражений».

Нужно отметить, что активность Российской империи в отношении Японии проявилась позднее, чем в примере с Китаем, и берет свое начало с прибытия в 1804 г. в Нагасаки экспедиции Николая Резанова, которая попыталась начать русско-японскую торговлю. Японский историк Тогава Цугуо считает, что именно появление команды Резанова, а не приход американских кораблей коммодора Перри заставило японцев переосмыслить свое положение

после многолетнего сна. Автор «Бэйо кайран дзикки» К.Кумэ в своих воспоминаниях также указывает на то, что в дореставрационный период Япония из всех европейских стран больше всего опасалась Российское государство. Как писал японский историограф, когда в 1808 г. в порт Нагасаки прибыли английские корабли, японцы решили, что англичане шпионят для русских. По воспоминаниям Кумэ, в детстве бабушка говорила ему: «Когда ты вырастешь, тебе придется не на жизнь, а на смерть сражаться с великой Россией» [6, 242]. Кумэ был родом из небольшого городка, расположенного недалеко от порта Нагасаки. Так что он был достаточно осведомлен о том беспокойстве, которое возникло в 1853 г., связанное с прибытием другой российской делегации под командованием вице-адмирала Е.В. Путятин. В свою очередь, Е.В. Путятин получил специальную инструкцию о необходимости провести переговоры об определении территориальных границ между Российской империей и Японией. В данной инструкции указывалось проявить определенную терпимость в этом вопросе и преследовать значимые для России торгово-экономические задачи [5]. Возникновение российских пределов в непосредственной близости от японской земли усилило настороженность Токио к планам своего соседа. Поэтому, когда члены дипломатической миссии Ивакура Томоми отправились в Россию собрать информацию общего характера, они также пытались выяснить внешнеполитические планы России в Восточной Азии и в отношении Японии, в частности. Территория России оказалась для японцев необычайно просторной после густо заселенных европейских стран. Описывая посещение императорской резиденции, Кумэ сделал особый акцент на богатстве царских особ, годовой доход которых, по его словам, в три раза превышал доход австрийской и в пять раз английской королевских семей. При этом он отмечал, что европейцы, гораздо больше, чем азиаты, подвержены порокам наживы и жажды богатства. Поэтому, по мнению Кумэ, в европейских странах получили развитие всевозможные движения за свободу и народные права. Кумэ особенно подчеркивал факт тесного слияния церкви и государства в Российской империи. Он также писал о том, что для России характерно использование религиозных воззваний для

достижения конкретных политических целей. Кроме того, он считал, что в политике, направленной на расширение территории государства, и в большинстве войн, которые Россия вела, начиная с эпохи Петра I, активно использовались лозунги о защите русской православной веры [7, 247]. Вывод Кумэ, разрушающий миф об опасности Российской империи ставил под сомнение ее возможность проводить активную экспансионистскую политику в Восточной Азии, что помогает иначе рассмотреть особенности российско-японских отношений в последующие годы.

Занимая особое место в Восточной Азии, Япония стремилась взаимодействовать с мировыми державами. В 1854 г. был подписан американо-японский договор о мире и дружбе, а также англо-японская конвенция. Так развитие внешних контактов Японии подтолкнуло российские власти к активизации с ней связей, в итоге был заключен первый японо-русский договор - Симодский трактат 1855 г.

Шестая статья Симодского договора предоставляла России право назначить с 1856 г. консула в открытые порты Симода или Хакодате. Договор предоставлял возможность «пользоваться правом свободного и открытого вероисповедания» [7, 51]. После обмена ратификационными грамотами Симодского трактата царское правительство приступило по совету Е.В. Путятин к отбору чиновников для службы в русском консульстве в Хакодате. Е.В. Путятин просил российские власти подобрать для включения в штат консульства высокообразованных молодых людей, способных оказать японцам помощь в военном деле, судостроении, медицины, математики и русского языка. Так был назначен один из лучших сотрудников духовной миссии в Пекине - И.А. Гошкевич, что сыграло ключевую роль в последующем учреждении православной миссии в Японии.

Важной предпосылкой к созданию русской духовной миссии в Японии явилось открытие консульства Российской Империи в Японии в 1858 г. Вместе с тем, призыв русского дипломата позволил в перспективе создать условия для развития православной миссии среди японцев.

Представители России в XIX в. расширяли свое присутствие в Восточной Азии. Корея долгое время оставалась малоизвестной страной для православной миссии. Связано это было с запретом правительства Кореи на сношения с иностранцами и с тем, что Корея, в отличие от Японии, воспринималась как автономная единица Цинского Китая. Особые сношения с ней могли негативно сказаться на российско-китайских отношениях. Однако после подписания русско-китайского договора 1860 г. Россия и Корея стали сопредельными государствами и между двумя странами появилась общая граница по реке Туманган [10]. В связи с этим необходимо было устанавливать дипломатические контакты.

Важным фактором, повлекшим за собой серьезные культурные изменения в Корее, стали реформы Тэвонгуна. Ли Хаын, также известен по своему титулу Тэвонгун (великий принц), в начале 1864 г. объявил о начале новой политики привлечения на службу людей не по их происхождению, а в соответствии с конфуцианским идеалом, по способностям. Возникновение острой ситуации было связано с решением «великого принца» проводить более активно политику недопущения иностранцев в Корею. Корею удалось отразить посягательства извне, но, несмотря на все положительные факторы реформ Тэвонгуна, они имели и другую сторону: борьба с экспансией иностранцев привела к отрицанию достижений западной культуры, что ослабило Корею в сравнении со странами Запада и Японией, вставшей на путь кардинальных преобразований. Приход на ключевые посты в государственном аппарате родственников и сторонников королевы Мин означал, что взят курс на постепенное прекращение политики «закрытия страны». В Приморье корейцы успели познакомиться и достаточно присмотреться к своим соседям, всегда относившимся к ним сочувственно. В 1870-71 гг. северные районы Кореи постиг двухлетний голод. Это вызвало стихийную миграцию корейцев на территорию Российской Империи, где к ним отнеслись с православным странноприимством. Так остро созрела необходимость установления официальных дипломатических отношений между

Россией и Кореей, что способствовало открытию российской православной миссии на Корейском полуострове.

К 1876 г. период правления династии Чосон подходил к концу, «великий принц» окончательно потерял власть, Корея была вынуждена подписать договоры с западными державами. Так появились гарантии безопасности иностранным миссионерам, а также свобода их деятельности. В течение 1882-1884 гг. Корея «открывается» миру, но именно с этих пор страна стала превращаться в зависимую от иностранных держав колонию.

Однако уже в конце XIX в. на Корейском полуострове зарождаются и радикальные элементы, опирающиеся на массовую деятельность «просветительских» структур. В итоге проводятся митинги и демонстрации с требованием дарования свобод и реформ. Неприятие западной общественной мысли и прежде всего западного христианства, активно распространявшегося в то время католическими, а затем и протестантскими миссионерами, было связано с его отказом от традиционного культа предков и сопутствующих ему ритуалов. В итоге, в противоположность христианству — «западному учению» (сохак) создавалось на протяжении второй половины XIX в. учение, которое получило название тонхак, т.е. «восточное учение». Называя новое учение, новую религию словом «восточное», его основатели имели в виду не только оппозиционность понятий «Запад — Восток», но и вполне конкретную традицию названия Кореи — «Восточное государство».

В результате затянувшейся работы российских дипломатов в 1884 г. между министерствами иностранных дел России и Кореи был подписан договор, который ратифицировали в 1885 г., в Сеуле открывается русская дипломатическая миссия (1886), а основными факторами отношений явились приграничная торговля и продолжавшаяся миграция корейцев на Дальний Восток России. Торговля развивалась настолько активно, что 8 августа 1888 г. в Сеуле была заключена дополнительная конвенция, именованная как «Правила для сухопутной торговли с Кореей», состоявшая из 9 статей [11]. Конвенция

значительно расширяла права русских в корейской части приграничной области с центром в городе Кёнхыне (низовья р. Туманган).

В целом, за исключением двух указанных выше аспектов, отношения России и Кореи рассматриваемого периода не были сколько-нибудь активными, а позиция России по отношению к Корее также не была до конца ясна.

Под влиянием идей религиозного учения «тонхак» («восточное учение») 15 февраля 1894 г. в провинции Чолла разгорелось крестьянское восстание. Под предлогом защиты своих граждан Япония перебросила в Корею войска. Вслед за этим, 23 июля 1894 г. японцы ворвались в королевский дворец, чтобы «защитить от заговора» короля и членов его семьи, фактически сделав их своими пленниками. Затем Япония выступила против китайских войск, находившихся на территории Кореи, и 1 августа объявила Китаю войну. Крупное японо-китайское столкновение на территории Кореи произошло под Пхеньяном и закончилось поражением китайских войск. Далее военные действия переместились в Китай, где война закончилась поражением Поднебесной. В 1895 г. был подписан Симоносекский мирный договор, по которому Китай отказывался от своего покровительства над Кореей.

Российское общество, хотя и приветствовало получение Кореей независимости от Китая, при этом была обеспокоена возможностью усиления влияния Японии на Корейском полуострове в ущерб российским интересам. Официальная позиция российских властей по-прежнему придерживалась нейтралитета.

При этом, на Корейском полуострове в середине 1890-х г. назревала необходимость в духовном окормлении русских, которые уже проживали в Корее. Более этого, в Корею стали переселяться первые православные японцы, принявшие крещение в разных приходах Японии. Следует отметить, что православные японцы, которые находились в Корее, также заботились об открытии миссии на полуострове [2]. Несмотря на ненависть к Японии со стороны корейцев наблюдалось теплое отношение к России.

Заключение

Становление российской православной миссии в странах Восточной Азии происходило в период напряженной политической и религиозной ситуации:

1. В Китае после крестьянской войны к власти пришли маньчжуры, отличающиеся по религиозным и этническим традициям от ханьцев.
2. С упадком центральной власти начались междоусобные войны в Японии, проникли иностранные религиозные элементы.
3. В Корее на фоне реформ произошли серьезные культурные изменения, под влиянием идей религиозного учения «тонхак» разгорелось крестьянское восстание.

В целом, следует отметить, что ситуация в исследуемом регионе изменялась в связи с активизацией как западных государств, так и Российской империи. Мирное соседство русских и корейцев создавало атмосферу доверия. При этом Япония была заинтересована в ослаблении Китая, в том числе и не исключала возможности использовать Россию с целью ослабления Поднебесной. В условиях возможности вооруженного столкновения с манжурским Китаем и отсутствия политической активности России в отношении Кореи, сохранялось дружественное расположение к Российской империи со стороны Японии.

На фоне выстраивания межгосударственных отношений в Восточной Азии заметное влияние при учреждении православных миссий играл политический фактор. При этом, сама миссия основными задачами видела религиозные мотивы - создание общин верующих и церковной структуры.

Список литературы

1. Алексанян, А. Г. Несторианство [Электронный ресурс] // Синология.ру: интернет-проект. - Режим доступа: <http://www.synologia.ru/a/Несторианство> (дата обращения: 25 сентября 2017 г.)
2. Бесстремьянная, Г. Е. Контакты Русской духовной миссии в Корее и Японской Православной Церкви в 1896-1946 гг. [Электронный ресурс] //

- Церковь и время. – 2009. - № 2 (47). - Режим доступа: <https://mospat.ru/church-and-time/298> (дата обращения: 25 сентября 2017 г.).
3. Вавилов, Н.Н. Российско-цинские отношения (XVII - нач. XX вв) [Электронный ресурс] // Центрально-азиатский толстый журнал. – Режим доступа: http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyj/bib_txt/bib033.shtml (дата обращения: 25 сентября 2017 г.).
 4. Васильева, С. История Китая, Китай в XVI-XVII вв. [Электронный ресурс] // Историк: электронный журнал. - Режим доступа: http://www.historicus.ru/istoriya_kitaya/ (дата обращения: 25 сентября 2017 г.)
 5. Дополнительная инструкция МИД России Е.В. Путятину о переговорах с японцами №. 730: государственные документы: [утв. императором Николаем I от 27 февраля 1853 г.] [Электронный ресурс] / Электронная библиотека. - М.: АНО Руниверс, 2015. – Режим доступа: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147030&PORTAL_ID=7149&SECTION_ID=6771 (дата обращения: 25 сентября 2017 г.)
 6. Ковальчук, М. К. Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. М.: Макс-Пресс, 2003. — С. 238 - 255.
 7. Кузнецов, А. П. Вклад И.А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке / науч.ред. Л.В. Зенина. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. – С. 128.
 8. Малявин, В. В. Первые русские люди в Китае // Восточные арабески, М., 2000. - С.150
 9. Николай Японский, равноап. Избранные учёные труды святителя Николая архиепископа Японского / Сост. Т.Г. Сила-Новицкая. - М.: ПСГТУ, 2006. - 171 с.
 10. Русско-китайские отношения (1689-1916): официальные документы [Электронный ресурс] / Электронная библиотека. - М.: АНО Руниверс,

2015. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book8373/473931/> (дата обращения: 25 сентября 2017 г.).
11. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т.1. [Электронный ресурс] / Директмедиа. - СПб.: МИД, 1902. - С. 364 - Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=5dWWBgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 25 сентября 2017 г.)
12. Симоновская, Л. Первые документы о связях Китая с Россией [Электронный ресурс] // Хрестоматия по истории Китая в средние века: сетевая версия – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/Chrestomat/> (дата обращения: 25 сентября 2017 г.).
13. Успенский, В. Л. Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644-1911) в культурно-историческом контексте: Тибетский буддизм в империи Цин и жизни маньчжурского императорского дома: автореферат дис. ... доктора исторических наук / В. Л. Успенский - Санкт-Петербург, 2007. – С. 152.